

Общетюркские орнитонимы в татарском и тувинском языках (этнолингвистический аспект)

Эльвира И. Сафина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье дается комплексный анализ орнитонимов татарского и тувинского языков с позиций лексико-семантических и лингвокультурных особенностей, семантической гибкости словарных единиц, номинирующих птиц, их потенциала репрезентировать традиционную языковую картину мира. Татарские и тувинские наименования птиц впервые исследованы в сравнительно-сопоставительном, историко-семантическом и этнолингвистическом аспектах. Материалом для исследования послужили лексикографические и научные источники, сборники народного творчества и богатая речевая практика двух языков.

Показаны пути распространения татарских и тувинских орнитонимов в других родственных и неродственных языках; определены символические значения названий птиц; рассмотрены фольклорные традиции использования орнитологической коннотации и символики.

Подробное описание в работе получили татарские и тувинские наименования птиц: журавль, ворон, ворона, орел / беркут, сокол, ястреб, утка, а также сам гипероним «птица». Указанные орнитонимы наделялись особыми этнозначимыми смыслами и у татар, и у тувинцев.

Орнитологические образы находят отражение в наследии духовной культуры тюркских народов во многом благодаря установке на сакрализацию птиц, ощущаемой предками их связи с высшим миром и миром природы.

Ключевые слова: татарский язык; тувинский язык; тюркский язык; орнитоним; наименование птицы; древнетюркский термин; номинация; паремиология

Исследование выполнено в рамках реализации п. 3.5 государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования:

Сафина Э. И. Общетюркские орнитонимы в татарском и тувинском языках (этнолингвистический аспект) // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 352–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21>

Сафина Эльвира Ирфатовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: 7idillia@mail.ru

SAFINA, Elvira Irfatovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Lexicography, G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of the Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: 7idillia@mail.ru

ORCID: 0009-0008-3185-5120

Common Turkic Ornithonyms in the Tatar and Tuvan Languages (Ethnolinguistic Aspect)

Elvira I. Safina

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation*

This article presents a comprehensive analysis of ornithonyms in the Tatar and Tuvan languages from the perspectives of lexical-semantic and linguocultural features, semantic flexibility of the lexical units denoting birds, and their potential to represent the traditional linguistic worldview. Tatar and Tuvan bird names are studied here for the first time in a comparative-contrastive, historical-semantic, and ethnolinguistic context. The research material comprises lexicographical and scientific sources, collections of folk literature, and the rich speech practices of both languages.

The pathways of dissemination of Tatar and Tuvan ornithonyms into other related and unrelated languages are demonstrated; symbolic meanings of bird names are identified; folkloric traditions of using ornithological connotations and symbolism are examined.

A detailed description is provided for Tatar and Tuvan bird names such as crane, raven (male), crow (female), eagle/golden eagle, falcon, hawk, and duck, as well as for the hyperonym "bird". These ornithonyms are endowed with special ethnosemantic meanings among both Tatars and Tuvans.

Ornithological images are reflected in the spiritual cultural heritage of Turkic peoples largely due to the ancestral sacralization of birds, perceived as connecting the higher world with the natural world.

Keywords: Tatar language; Tuvan language; Turkic language; ornithonym; bird name; Old Turkic term; nomination; paremiology

This study was conducted within the framework of clause 3.5 of the state program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People".

For citation:

Safina E. I. Common Turkic Ornithonyms in the Tatar and Tuvan Languages (Ethnolinguistic Aspect). *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 352-370 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21>

Введение

Исследование общетюркской орнитонимии представляет значительный интерес для понимания особенностей протекания этнокультурных и лингвистических процессов в тюркском мире. В данной статье проводится комплексный анализ названий птиц в татарском и тувинском языках, что обусловлено их особой позицией в тюркской языковой семье: татарский язык относится к кыпчакской группе, тогда как тувинский — к саянской ветви, что позволяет исследователям выявлять как общие закономерности, так и специфические черты развития орнитонимической лексики. Выбор этих языков для сопоставительного исследования мотивирован несколькими факторами: исторической глубиной фиксации орнитонимов в письменных памятниках, значимостью птиц в традиционной картине мира татар и тувинцев, а также наличием интересных семантических параллелей и расхождений в обозначении птиц.

В тюркском языкознании изучению орнитонимов уделяется большое внимание. Так, башкирские названия птиц изучались Э. Ф. Ишбердиным¹, узбекские — Д. Х. Базаровой (Базарова, 1978), азербайджанские — Ю. Г. Юсифовым², чувашские — Л. П. Петровым³, алтайские — Н. В. Ерленбаевой (Ерленбаева, 2019), карачаево-балкарские — Ф. П. Эркеновой (Эркенова, 2021) и др.

В татарском языке названия птиц стали объектом специальных⁴ и сопоставительных⁵ диссертационных исследований.

По тувинским орнитонимам на сегодняшний день монографических исследований нами найдено не было, однако имеются научные статьи, рассматривающие отдельные аспекты этой тематической группы: охотничью лексику (Сувандии, 2013; Дамбаа, Сувандии, 2021), названия хищных и курообразных птиц (Кыргыз, Чебодаева, 2016, 2017), семантику отдельных бионимов (Нурзет, 2023, 2024 и др.⁶; Рабенко, Нурзет, 2023), топонимы с зоокомпонентом⁷ и образы птиц в фольклоре (Иванов, Монгуш, 2023; Куулар, 2020).

Целью статьи является исследование татарских и тувинских наименований птиц прежде всего в сравнительно-сопоставительном и этнолингвистическом аспектах. Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи: дать краткий обзор авифауны и на основе словарных данных выделить общетюркские орнитонимы, представленные в татарском и тувинском языках; осуществить сравнительно-сопоставительный анализ орнитонимов *торна* / *дуруа* 'журавль', *козгын* / *кускун* 'ворон', *бөркет* / *бүргүт* 'беркут, орел', *карга* / *каарган* 'ворона', *карчыга* / *хартыга* 'ястреб', *лачын* / *хартыга* 'сокол', *үрдэк* / *өдүрек* 'утка' с последующим этнолингвистическим описанием их семантических, словообразовательных и культурно-значимых характеристик.

Отбор наименований проводился по трем основным критериям: 1) лексикографическая фиксированность в авторитетных словарях татарского и тувинского языков; 2) наличие устойчивых языковых параллелей в обоих языках; 3) значительная культурно-символическая роль в традиционной картине мира указанных народов.

Основными методами исследования стали сравнительно-сопоставительный и описательный методы, метод сплошной выборки, лексикографический, лингвокультурологический, этимологический и компонентный анализы.

В ходе данного исследования были использованы следующие лексикографические источники: толковые, этимологические и переводные словари татарского и тувинского языков. Фактическим языковым материалом послужили татарские и тувинские пословицы, извлеченные путем сплошной выборки из нескольких источников: «Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы» («Татарские народные пословицы: собрание пословиц») Н. Исанбата (1959)⁸, «Татарское народное творчество» в 15 томах (2017)⁹, сборники пословиц «Тыва үлөгер домактар, чечен сөстөр = Тувинские пословицы и поговорки» М. Хадаханэ, О. Саган-оола (1966)¹⁰, «Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки»

¹ Ишбердин Э. Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1970.

² Юсифов Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1985.

³ Петров Л. П. Чувашская орнитонимия и история ее формирования: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1995.

⁴ Сафина Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.

⁵ Сахибуллина К. А. Лексико-семантическая группа «орнитонимы» в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2019.

⁶ Нурзет Ц. С. Б. Лексическая семантика бионимов журавль / дуруа в обыденном представлении носителей русского и тувинского языков // Наука молодых: вызовы гуманитарной науки: материалы Всероссийской научной школы с международным участием для молодых исследователей, Абакан, 19–21 сентября 2024 года. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2024. С. 86–92.

⁷ Кара-оол Л. С. Зоокомпоненты в тувинской топонимии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 280–284; Кара-оол Л. С. Топонимы Тувы с зоокомпонентом «птицы» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 647–650.

⁸ Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы [Татарские народные пословицы: собрание пословиц]: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., Т. 1. 1959. 780 б. (На татар. яз.).

⁹ Татарское народное творчество: в 15-ти т. / отв. ред. Д. Э. Нигматуллина. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. Т. 6.

¹⁰ Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966.

ки», составленные О. К. Саган-оол и М. А. Хадаханэ (1976)¹, «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б. К. Будупа (2016)².

Особенностью источниковой базы является свидетельство о глубокой древности формирования орнитонимических систем татарского и тувинского языков, что требует их комплексного изучения. Как отмечалось в наших предыдущих работах, основу татарской орнитотерминологии составляют общетюркские лексемы³. Этот вывод подтверждается исследованиями А. А. Кыргыс и Л. И. Чебодаевой, выявивших, что в тувинском и хакасском языках номинация хищных птиц также базируется на общетюркской лексике: **ka:rt-y-*, **sar(y)*, **göjke-n-ek*, **la:čyn*, **japalak*, **ügi* / **ükki* (Кыргыс, Чебодаева, 2016: 195–197).

Сведения об авифауне и выявление общетюркских орнитонимов

Перед проведением сравнительно-сопоставительного анализа орнитонимов представляется необходимым рассмотреть ключевые особенности орнитофауны Татарстана и Тувы, обусловленные их географическим положением и климатическими условиями. Эти природные факторы существенно влияют на видовой состав птиц и, как следствие, на формирование соответствующей лексики. Исходя из этих материалов и данных словарей татарского и тувинского языков будут выбраны орнитонимы для последующего анализа.

Уникальность орнитофауны Татарстана обусловлена особым географическим положением региона на стыке лесной и лесостепной зон, что способствует смешению элементов лесной и степной фауны. Ключевыми факторами разнообразия являются: 1) нахождение региона на границах ареалов многих видов птиц; 2) высокая обводненность территории — крупные водохранилища на Волге и Каме, разветвленная речная сеть и многочисленные озера создают идеальные условия для гнездования и миграции ооловодных и водоплавающих птиц⁴. Согласно последним исследованиям, современная авифауна республики насчитывает 305 видов птиц⁵.

Орнитофауна Тувы, в отличие от орнитофауны Татарстана, формируется в условиях резко континентального климата, что определяет ее специфический состав и структуру. Регион характеризуется четко выраженной зональностью распределения птиц по трем основным типам местообитания: горно-таежным, степным и долинным комплексам. Как отмечает Д. К. Куксина, только в населенных пунктах Центральной Тувы зарегистрировано 126 видов птиц, представляющих 77 родов, 35 семейств и 12 отрядов⁶, что свидетельствует о богатстве орнитофауны даже в антропогенных ландшафтах.

Разнообразие видов птиц напрямую отражается на количестве орнитонимов, фиксируемых в языковой картине мира. Так, в «Татарско-русско-латинском словаре названий птиц» с учетом заимствований и диалектных вариантов зафиксировано около 1700 наименований⁷. Для тувинского языка аналогичного специализированного словаря пока не существует. Основные орнитонимы, такие как *каарган* 'ворона', *өдүрек* 'утка', *сааскан* 'сорока', *куу*, *куу куш* 'лебедь', *хек* 'кукушка' и многие другие приведены в «Русско-тувинском словаре»⁸ и «Толковом словаре тувинского языка»⁹. Учитывая, что

¹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол и М. А. Хадаханэ. Кызыл, 1976.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во. 2016.

³ Сафина Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. С. 91.

⁴ Рахимов М. И. Формирование авиафауны и оценка современных ресурсов птиц Татарстана: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. С. 5.

⁵ Рахимов И. И., Ибрагимова К. К. Оценка современной численности популяций птиц на территории Татарстана // Проблемы популяционной биологии: материалы XII Всероссийского популяционного семинара памяти Николая Васильевича Глотова (1939–2016), Йошкар-Ола, 11–14 апреля 2017 года. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2017. С. 181.

⁶ Куксина Д. К. Фауна и структура сообществ птиц населенных пунктов Центральной Тувы: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Улан-Удэ, 2010. С. 8.

⁷ Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ТӘһСИ, 2018. 184 б.

⁸ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980.

⁹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I: А–Й; Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с. Т. II: К–С.

в татарском языке насчитывается свыше 250 базовых названий птиц¹, можно предположить, что в тувинском — их количество сопоставимо. Более точные данные станут доступны после проведения специальных исследований орнитонимии тувинского языка.

Примечательно, что многие орнитонимы (тат. *карга* — тув. *каарган* 'ворона', тат. *каз* — тув. *кас* 'гусь', тат. *турна* — тув. *дуруя* 'журавль' и др.) демонстрируют общность в татарском и тувинском языках, что свидетельствует об их древнетюркском происхождении. Как показал проведенный нами сравнительный анализ, таких номинаций много как в татарском, так и в тувинском языках. При этом существуют и общетюркские орнитонимы, которые сохранились в татарском, но отсутствуют в тувинском, и наоборот. Эти закономерности подтверждаются данными, представленными в *таблице 1*.

Таблица 1. Общетюркские названия птиц
Table 1. Ancient Turkic names of birds

Единицы татарского языка ²	Единицы тувинского языка ³	Перевод на русский язык
<i>аккош</i> (С. 65)	<i>куу, куу куш</i> (С. 236)	лебедь
<i>этэч</i> (С. 177)	<i>аскыр дагаа</i> (С. 386)	петух
<i>божыр</i> (С. 247)	<i>кушкул</i> (С. 515)	рябчик
<i>бөркет</i> (С. 258)	<i>бүргүт, улуг эзир</i> (С. 43)	беркут
<i>бытбылдык, бүдәнэ</i> (С. 279, 274)	<i>патпадак, бөдене</i> (С. 380)	перепел
<i>дүдэк</i> (С. 363)	<i>тогдук</i> (С. 146)	дрофа
<i>каз</i> (С. 509)	<i>кас</i> (С. 125)	гусь
<i>карга</i> (С. 538)	<i>каарган</i> (С. 83)	ворона
<i>карчыга</i> (С. 542)	<i>хартыга</i> (С. 560)	ястреб
<i>козгын</i> (С. 592)	<i>кускун</i> (С. 83)	ворон
<i>кош</i> (С. 624)	<i>куш</i> (С. 472)	птица
<i>көртлек, кыр тавыгы</i> (С. 636)	<i>торлаа</i> (С. 233)	куропатка
<i>күгарчен</i> (С. 665)	<i>көгө-буга, көк-буга</i> (С. 118)	голубь
<i>күке</i> (С. 671)	<i>хек</i> (С. 232)	кукушка
<i>лачын</i> (С. 717)	<i>хартыга</i> (С. 550)	сокол
<i>озан</i> (С. 91)	<i>күртү</i> (С. 581)	тетерев
<i>өке</i> (С. 114)	<i>кызыл-үгү</i> (С. 623)	филин
<i>саескан</i> (С. 205)	<i>сааскан</i> (С. 553)	сорока
<i>сарыч</i> (С. 220)	<i>сары</i> (С. 518)	сарыч
<i>суер</i> (С. 264)	<i>кара-куш</i> (С. 115)	глухарь
<i>тавык</i> (С. 294)	<i>кыс дагаа</i> (С. 233)	курица
<i>тилгән</i> (С. 375)	<i>дээлдиген</i> (С. 225)	коршун
<i>торна</i> (С. 392)	<i>дуруя</i> (С. 157)	журавль
<i>тургай</i> (С. 439)	<i>хамнаарак</i> (С. 152)	жаворонок
<i>турпан</i> (С. 439)	<i>аңгыр</i> (С. 593)	турпан
<i>үрдэк</i> (С. 498)	<i>өдүрек</i> (С. 616)	утка
<i>һөдһөд</i> (С. 549)	<i>иттик</i> (С. 602)	удод
<i>чәүкә</i> (С. 567)	<i>таан</i> (С. 111)	галка
<i>чеби, чебеш</i> (С. 569)	<i>дагаа оглу, куш оглу</i> (С. 636)	цыпленок
<i>челән</i> (С. 570)	<i>ишлен</i> (С. 633)	цапля
<i>чытчык</i> (С. 596)	<i>бора-хирилээ, бора-хөкпеш</i> (С. 83)	воробей
<i>ябалак</i> (С. 696)	<i>үгү, инек-сокпа, межерген</i> (С. 546)	сова

Таким образом, несмотря на существенные различия в экологии Татарстана и Тувы, в этих регионах зафиксированы сходные виды птиц, что проявилось в наличии общих орнитонимов с фонетическими вариациями (*карга* / *каарган*, *торна* / *дуруя* и др.).

¹ Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ГЭИ, 2018. Б. 91–102.

² Источник: Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1 (А–Л). Б. 624; Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2 (М–Я). С. 392. Страницы указаны рядом с орнитонимом.

³ Источник: Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. Страницы указаны рядом с орнитонимом.

Сравнительно-сопоставительный и этнолингвистический анализ

Исследование, представленное в данной статье, фокусируется на семи ключевых орнитонимах, представляющих разные виды птиц. Начнем рассмотрение конкретных общетюркских лексических образований с гиперонима *кош* 'птица'. Далее представим результаты анализа таких единиц, как *торна* / *дуруа* 'журавль', *козгын* / *кусун* 'ворон', *бөркет* / *бүргүт* 'беркут, орел', *карга* / *каарган* 'ворона', *карчыга* / *хартыга* 'ястреб', *лачын* / *хартыга* 'сокол', *үрдэк* / *өдүрек* 'утка'.

Кош — *куш* 'птица'

Лексическая единица *кош* / *куш* 'птица' принадлежит к древнейшему пласту лексики, распространенному в большинстве тюркских языков (ср.: каз. *құс*, узб. *қуш*, хак. *хус*, алт. *куш*, карач.-балк. *къуш*, кирг. *куш*, кумык. *къуш*, тур. *kuş* и т. д.). Формы *куш* 'птица', *кушладачы* 'охотник с ловчей птицей' отмечены в орхоно-енисейских письменных памятниках (Насилов, 1960: 21).

Рассматривая этимологию термина, Р. Г. Ахметьянов возводит его к общетюркскому *куш*, древнетюркскому *кугуш* 'птица'¹. Ряд исследователей (Л. М. Сергеев, Л. П. Петров, Ю. Г. Юсифов и др.) считают, что орнитоним имеет звукоподражательную основу. К примеру, Ю. Г. Юсифов придерживается мнения, что, «возможно, слово *гуш* (*кош*) 'птица' образовано от междометий «*киш-киш* (*куш-куш*), *кишт-кишт* (*кушт-кушт*), употребляемых в связи с данным словом»². Лингвистически значимым представляется использование в татарском языке междометий *кәш-кәш*, *кәш*, *кыш*³ для отпугивания птиц, что обнаруживает очевидную фоносемантическую связь с гиперонимом *кош* 'птица'.

Сравнительный анализ показывает, что употребление лексемы *кош* / *куш* в обоих языках вышло далеко за пределы использования только прямого значения 'птица'. В татарском языке она приобрела яркую антропоморфную семантику: используется для характеристики людей (*Ниндирәк кош икән бу?* 'Чем интересна эта птица (эта особа?)'), причем часто с ироничным оттенком (*Кулыбызга зур кош төште* 'В наши руки попала важная птица')⁴. Уникальной чертой татарской разговорной речи стало использование технического значения 'самолет' (*корыч канатлы кошлар* 'стальнокрылые птицы')⁵, где современное изобретение осмысливается через традиционный образ.

Тувинский язык демонстрирует иную модель семантического развития. Как видно из примеров толкового словаря, здесь производные от *куш* образуют: 1) временные понятия (*куш даң башында* 'на рассвете, очень ранним утром'; *куш-даңы* 'раннее утро', 'рассвет'); 2) обозначения скорости (*кушталыр*, *куштар*, *куштадыр*, *кушталдыр* в значении '[бегать] очень быстро, как птица'; 3) охотничью терминологию (*кушчу* 'тот, кто ухаживает за птицами'; 'охотник на птицу'; *куштар* 'охотиться на птицу'; *куштадыр* 'отправлять охотиться на птицу')⁶.

Примечательно, что лексика, связанная с охотой, на которой использовались ловчие птицы, сохранилась и в татарском языке, что свидетельствует об общих традициях охоты. Ср.: *кош чөү* 'ходить на охоту с ловчими птицами — прирученными беркутами, соколами и кречетами'; *кош чөүче* (*кошчы*) 'специальный служитель при ханском дворе, в обязанности которого входил уход и подготовка хищных птиц для соколиной охоты'⁷.

В тувинском языке лексема *куш* используется в сравнениях для обозначения небольшого размера чего-либо, например, *куш хырынныг киж* (букв. человек с желудком птицы, т. е. 'с маленьким желудком — мало есть'), *куш баштыг анай* (букв. козленок с головой птицы, т. е. 'с маленькой головой')⁸.

¹ Ахметьянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге [Краткий историко-этимологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр. 2001. Б. 115.

² Юсифов Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1985. С. 9.

³ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1 (А–Л). С. 639.

⁴ Там же. С. 624.

⁵ Там же.

⁶ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К–С). С. 245.

⁷ Татар теленең аңлатмалы сүзлеге [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Тагирова, Р. Т. Сафаров, Ф. Ф. Гаффарова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. III том. К. Б. 409.

⁸ Кара-оол Л. С. Топонимы Тувы с зоокомпонентом «птицы» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 648.

Культурно-специфические различия проявляются в ассоциациях: у тувинцев птица связана с временными понятиями (семантема «рано»), у татар — с эмоциональными состояниями (*кош тоткан-дай булу*, *кош тоткан диярсең* ‘обрадоваться, быть на седьмом небе’ (букв. как будто поймал птицу счастья) и пространственными представлениями (*кошлар очып житмас(лек)* ‘очень далеко’)¹. При этом обе языковые традиции фиксируют использование образа птицы для обозначения скорости (*кош кебек очу*; *коштай очу* ‘лететь на крыльях’, ‘лететь как (словно) птица’, ‘мчаться со всех ног’² / *кушталыр* ‘стремительно двигаться, мчаться, лететь как птица’³).

В традиционных культурах тюркских народов образ птицы становится особым выразительным этнолингвистическим кодом. Тувинские и татарские паремии демонстрируют удивительное единство в использовании орнитологических метафор для передачи важнейших социальных концептов. Особенно ярко это проявляется в трех ключевых аспектах. Метафорика дома и принадлежности родному месту получает почти идентичное выражение в обоих языках: *Куш уялыг*, *Кижиги чурттуг* ‘У птицы гнездо, у человека Родина’ в тувинском и *Кошның да туган оясы бар* ‘И у птицы есть родное гнездо’ в татарском. Данная смысловая пара показывает, как через образ гнезда кодируется идея малой родины в обеих культурах. Не менее показательны параллели в концепции социализации: тувинское *Куш оглу каяа-даа ужар*, *Кижиги төлү каяа-даа чоруур* ‘Птенец оперится — всюду полетает, ребенок вырастет — всюду побывает’ находит смысловой аналог в татарском *Кош, оясында ни күрсә, очканда да шуны кыла* ‘Что увидит птица в гнезде, то и повторит в полете’.

Интересно, что обе традиции противопоставляют дом и странничество через образы птиц. Тувинцы говорят: *Ужар кушта чилиг чок, улчумакта уя чок* ‘У перелетной птицы нет гнезда, у бродячего человека нет дома’. Татары же подчеркивают: *Кулда асралган кош ерак очмас* ‘Выкормленная в руках птица далеко не улетит’ — обе пословицы раскрывают ценность родного дома, но с разными смысловыми нюансами.

Сходное выражение получают представления о родительской заботе. Тувинцы сравнивают заботу о детях с охраной гнезда: *Уялыг куш чаныган*, *Уруглуг кижиги кээргечел* ‘Птица гнездо бережет, человек — детей’. Татары же делают акцент на самостоятельности: *Һәр кош үз оясын үзе корыр* ‘Каждая птица сама вьет свое гнездо’.

Татарские пословицы дополнительно раскрывают ценность трудолюбия: *Талпынган кош очмый калмас* ‘Птица, что крыльями машет, без неба не останется’, важность природных задатков: *Өметле кош күкәйдә дә жырлый* ‘Истинная птица в яйце уже поет’, а также житейскую мудрость: *Кош кунмаган агач юк* ‘Нет дерева, где птица не сидела’.

Приведенные устойчивые образы показывают, как в тюркских культурах через метафорическое сравнение человека и птицы передаются важнейшие жизненные принципы. Сравнительное изучение таких пословиц помогает лучше понять общие языковые корни и особенности мировоззрения разных народов.

Таким образом, гипероним *кош / куш* ‘птица’ не только отражает древние морфемы и семантемы, но и остается ключевым элементом культурного кода обоих народов, отражая связь природы, свободы и философии жизни. Его активное использование в фольклоре подтверждает живую связь языка с традиционным миропониманием.

Торна — журуа ‘журавль’

Рассматриваемый орнитоним в значении ‘журавль’ с незначительными фонетическими изменениями встречается во многих тюркских (аз. *дүрна*, туркм. *diğna*, алт., карач.-балк., кирг., кумык., хак., узб. *турна*, тур. *turna*, каз., ккалп. *тырна*, чув. *тәрна*, башк. *торна*), в финно-угорских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языках (мар. *турня*, монг. *тогоруу*, эвенк. *туруя*, калм. *тоһрун*, бурят-монг. *тохорюун*).

По мнению некоторых исследователей, данный общетюркский орнитоним образован от глагольной основы *тур-* / *тор-* ‘стоять’ и семантически мотивируется характерной для журавля позой (Севортян, 1980: 302; Петров, 1982: 69). Подавляющее большинство ученых (Базарова, 1978: 40; Гини-

¹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 624.

² Там же.

³ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 268.

атуллин, 1977: 42; Р. Г. Ахметьянов¹ и др.) возводят этимологию данного орнитонима к звукоподражательной основе. Ср.: в татарском языке подражательное слово *торыйк*, *торыйк-торыйк* обозначает крик журавля²; *торыйк* — подр. одиночному крику журавля: *курлыйк*³.

Внешний облик журавля, особенно его длинные ноги и вытянутая шея, послужил основой для названия некоторых предметов и их частей, используемых в повседневной жизни того или иного народа. Благодаря внешнему сходству с этой птицей и характерными ее движениями, шест у колодца получил такое метафорическое обозначение в татарском и тувинском языках (так же, как и в русском). Ср.: журавль (у колодца) *кое сиртмәсе*⁴; *дуруа* 'журавль колодца'⁵.

В «Толковом словаре татарского языка» фиксируется переносное значение лексемы *торна* — 'длинноногий или высокий, худой человек'⁶. Про длинноногих людей говорят *торна сыйрак*, *торна сыйраклы* (букв. с ногами, как у журавля). Татары часто дают высоким людям прозвище *Торна* (журавль), преимущественно это относится к мужчинам (*Торна Вәли*, *Торна Самат*, *Торна Сабир* и др.).

В «Толковом словаре тувинского языка», кроме орнитонима *дуруа* 'журавль', зафиксированы лексемы *дуруа дези* в значении 'плохой забор' и *дуруагылаштыр* 'подобно журавлю'; последняя иллюстрируется примером *Дуруагылаштыр тейлеп, самнап тургулаан иргин* 'И стала она поклоняться, как журавль, и танцевать'⁷.

Значение 'плохой забор', которого нет в татарском языке, встречается и в «Тувинско-русском словаре»: *дуруа дези дег* 'плохонький, плохенький, невзрачный, на курьих ножках (об изгороди, заборе и т. п.)'; ср. *кара-дуруа*⁸.

Компонент *торна* встречается в ряде татарских фитонимов и указывает на пищевые пристрастия журавля или на сходство растений с внешним обликом птицы. К примеру, одну из любимых ягод журавлей — клюкву — татары называют *торна жыләге* (букв. журавлиная ягода) и *торна күзе*⁹ (букв. журавлиный глаз). А сходство растений с внешним видом птицы отражено в фитонимах *торна-набаш*, *торна үләне* 'герань', 'журавельник'. В «Толковом словаре татарского языка» говорится, что форма семенной коробочки растения напоминает голову журавля или аиста, отсюда и русские названия *журавельник*, *аистник*¹⁰. В «Татарско-русском словаре» с этим же значением зафиксирован вариант *торна яраны*¹¹.

В фитонимах *торна борчагы* 'вика', 'горошек'¹² (букв. «журавлиный горох»), *күгелжем торна кузагы* 'сочевичник сероватый'¹³ (букв. «сероватый журавлиный стручок») компонент *торна* также указывает на растения, которые обычно клюет журавль.

По данным исследований Ф. Г. Гариповой, анализируемый орнитоним лег в основу названий рек, озер, полей, болот и т. д. (*Торна аланы*, *Торна басуы*, *Торна болыны*, *Торна инеше*, *Торна елгасы*, *Торна кыры*, *Торналар күле*, *Торна тавы*, *Торна чиймәсе*, *Торна чокыры*)¹⁴.

В татарском языке существует множество пословиц и поговорок о журавле (*торна*), которые раскрывают особенности народной мудрости. Ценность родины подчеркивается в пословице *Яз бул-*

¹ Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: Ике томда. II том (М–Я) / ред. Р. Т. Сәфәров. Казан: Мәгариф — Вақыт, 2015. Б. 285.

² Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров. Казан: ТӘҺСИ, 2019. Т. V: С–Т. Б. 635.

³ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. С. 394.

⁴ Русско-татарский словарь: в 2-х т. / отв. ред. К. Р. Галиуллин, А. К. Булатова. Казань: ИЯЛИ, 2018. Т. 1. С. 443.

⁵ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I (А–Й). С. 518.

⁶ Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сафаров. Казан: ТӘҺСИ, 2019. Т. V: С–Т. Б. 630.

⁷ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I (А–Й). С. 518.

⁸ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 184.

⁹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. С. 392.

¹⁰ Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров. Казан: ТӘҺСИ, 2019. Т. V: С–Т. Б. 630.

¹¹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. С. 392.

¹² Сабитова И. И., Саберова Г. Г. Усемлек атамалары сүзлегә [Татарско-русский толковый словарь фитонимов]. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 150.

¹³ Биологический русско-татарский толковый словарь / под ред. Ф. Г. Ситдикова, Р. К. Закиева. Казань: Магариф, 1998. С. 546.

¹⁴ Гарипова Ф. Г. Татар топонимнары сүзлегә [Словарь татарских топонимов]. Казан, 2010. Б. 542–544.

гач торна туган суына, адәм Сабан туена кайта 'Когда приходит весна — журавль возвращается к родным водам, человек — на Сабантуй'. Здесь проводится параллель между природным явлением (возвращение журавлей) и культурной традицией (праздник Сабантуй)¹, подчеркивается особая важность этого праздника.

Найденные нами пословицы с негативным оттенком свидетельствуют о том, что народ не очень доверял журавлям. К примеру, *Торна белән дус булсаң, башыңнан кайгы китмәс* 'Если будешь дружить с журавлем — горе с головы не уйдет'. При этом тувинские выражения *дуруа дег эштиг* 'друг как журавль' и *дуруалар аразындан суг акпас* 'между журавлями вода не течет' подчеркивают противоположное символическое осмысление образа этой птицы — она выступает олицетворением крепкой дружбы.

Пословица *Күктәге торнага ышанып, кулдагы чыпчыкны ычкындырма* 'Не теряй воробья в руке, гоняясь за журавлем в небе' учит практичности, противопоставляя реальное (воробей) и недостижимое (журавль в небе). Данная фольклорная единица перекликается с русской пословицей о синице в руках, перевод которой употребляется и в тувинской речевой практике.

В татарской фольклористике используются и ироничные выражения, например *Һавадан торна санау* 'Считать журавлей в небе', что означает бесполезное занятие. Однако в пословице *Йөз чыпчык чырылдавыннан бер торнаның торылдап куюы артык* 'Лучше один журавлиный зов, чем сотня воробьиных трелей' журавль оценивается уже положительно, что демонстрирует сложность и неоднозначность этого образа в татарской культуре.

В тувинской традиции журавль одновременно означает доброе предзнаменование (*Эжеш дуруалар таварышса өг-бүлеге эки чуве болурунуң демдээ* 'Если увидеть пару журавлей, это знак семейного благополучия') и олицетворяет одиночество, что отражено в песне «Чааскаан арткан дуруа дег» 'Словно одинокий журавль' [*Өскүс арткан дуруа дег* 'Словно осиротевший журавль']². У татар существует аналогичный образ одинокого журавля в песне «Ялгыз торна» («Одинокий журавль»), подтверждающий общетюркский характер указанной символики.

Таким образом, основные семантические особенности осмысления орнитонима *торна* / *дуруа* 'журавль' в татарском и тувинском языках включают внешние и физические характеристики птицы, образ жизни и поведенческие привычки, а также отражают наличие символической нагрузки, проявляющейся в амбивалентности метафорических образов — от предвестника одиночества до символа крепких социальных связей и добрых предзнаменований, что свидетельствует о сложной системе значений, сложившейся вокруг этой птицы в тюркской языковой картине мира.

Козгын — кускун 'ворон'

Орнитоним встречается в таких тюркских языках, как хак. *хускун*, алт. *құсқун*, ног., каз., к.-калп. *қузғын*, кирг., карач.-балк., осм., чаг. *қузғун* и др.

В «Татарско-русском словаре» лексема во множественном числе имеет следующее переносное значение: *козгыннар* 1) презр. вороньё; *алар бар да бер оя козгыннары* (они все вороньё одного гнезда); 2) стервятники (о вражеских самолетах)³. Как известно, вороны отличаются громким, трубным, гортанным голосом. В татарском языке о неприятном, противном человеческом голосе говорят *козгын тавышы* букв. 'вороново карканье'⁴.

В «Толковом словаре татарского языка» зафиксировано еще одно переносное значение лексемы: *ертлач, бик әрсез кеше* 'наглый, нахальный; с натурой рвача'. Ср.: *Миңа ул байгура ошамый. Бирмә, ташлама шул козгынның тырнагына, — дип пышылдады Шәрифә* (Ф. Яхин⁵) 'Мне не нравится этот буржуй. Не давай, не бросай в коготь этого ворона, — прошептала Шарифа'. Ср. также: *козгынлык*⁶ в значении 'рвачество, наглость, жадность, ненасытность, алчность'.

¹ Национальный татарский праздник Сабантуй проводится летом, обычно в июне, когда заканчиваются посевные работы.

² Нурзет Ц. С. Б. Лексическая семантика бионимов журавль / дуруа в обыденном представлении носителей русского и тувинского языков // Наука молодых: вызовы гуманитарной науки: материалы Всероссийской научной школы с международным участием для молодых исследователей, Абакан, 19–21 сентября 2024 года. Абакан : Хакассский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2024. С. 91–92.

³ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 592.

⁴ Там же.

⁵ Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров, Ф. Ф. Гаффарова. Казан: ТӘНСИ, 2017. Т. III: К. Б. 310.

⁶ Там же.

Анализ тувинских и татарских пословиц о вороне выявляет общие этнокультурные черты в восприятии этой птицы у обоих народов. Прежде всего, вороны ассоциируются с острым природным чутьем. Тувинцы подчеркивают: *Курт чажар балыг эндевес, Кускун сек эндевес* 'Муха чует, где рана, А ворон — падал'. У татар говорят: *Уләксә исен козгын алдан сизәр* 'Ворон заранее чует запах падали'. Другая важная общая черта — связь образа ворона с предзнаменованиями беды. Татарская пословица *Козгын кычкырса, авылга бала килә* 'Если ворон кричит, в деревню придет беда' и тувинский поэтический образ *Карак чиксээн кускун ынаар карганы-дыр* 'Противно каркает ворон, алчущий глаз моих'¹ моделируют этот отрицательный символический смысл.

В целом отметим, что оба народа используют образ ворона для описания темных сторон жизни. Тувинский писатель С. Тока создает метафору *Бажының дүгү кускун дег кара* 'Трех его темный, как ворон'²; татарские пословицы связывают ворона с образом войны (*Козгын яу башлар, яуга карга ия-рер* 'Ворон войну начинает, ворона за ним следует'). При этом сохраняется уважение к птице — тувинцы отмечают: *Кускун кускуннуң караан соктавас* 'Ворон ворону глаз не выключает'³, подчеркивая наличие своеобразного уважения друг к другу у воронов.

Интересно, что тувинцы используют образ ворона, чтобы показать родительскую любовь. Тувинская пословица гласит: *Кускун кара-даа болза, төлүңгө ынак* 'Даже если у ворона глаза черные, детенышей своих он любит', т. е. даже такая птица любит своих птенцов.

В «Толковом словаре тувинского языка» с лексемой *кускун* зафиксированы слова *кускун-кара* 'любимый человек, любимый, любимая', *кускун-сааскан* 'вороны, сороки и другие разные птицы', *кускуннар* 'громко кричать, кликать, орать; издавать звуки, кричать (о животных); гудеть, давать звуковой сигнал', *кускуннажыр* 'кричать, перекликаться, издавать звуки, гудеть'⁴.

Кроме того, в тувинском языке компонент *кускун* встречается в составе фитонима *кускун-кады* (первое значение которого 'низкий кустарник, растущий в сухих степных и гористых местах, и его мелкие красные ягоды'; второе — 'костяника (растение и его ягоды)'⁵.

Орнитоним *козгын / кускун* 'ворон' лег в основу ряда топонимов. В татарской ономастике встречаются названия *Козгын атавы* (поляна), *Козгын эрамәсе* (роща), *Козгын йылгасы* (река)⁶. По материалам «Топонимического словаря Тувы» Б. К. Ондар и сведений Л. С. Кара-оол, в республике имеются: «*Кускун*⁷ ('ворон') — гора в Овюрском районе: по легенде на вершине горы жил смельчак Кара-Кускун, который спрятал свое ружье в пещере. И тот, кто найдет это ружье, будет удачливым в охоте; *Кускун-нуз* (букв.: 'с воронами') — местность, урочище, стоянка в Каа-Хемском районе»⁸. Эти названия отражают как природные особенности мест (где водились вороны), так и символическое восприятие птицы.

Таким образом, проведенный анализ выявил, что орнитоним *козгын / кускун* 'ворон' в татарском и тувинском языках обладает развитой семантической структурой и устойчивыми переносными значениями.

Карга — каарган 'ворона'

Орнитонимы *карга / каарган*, обозначающие ворону, восходят к древнетюркскому *qarγa*⁹.

Ареал распространения данных лексических единиц охватывает следующие тюркские языки: тув. *каарган*, аз. *алагарға*, хак. *харға*, алт. *карга*, башк. *ала карға*, каз. *ала қарға*, ккалп. *қарға*, карач.-балк. *кҕаргҕа*, узб. *қарға*, алакарға, кирг. *карга*, кумык. *кҕаргҕа* и др. В ранних этимологических работах указанную номинативную единицу связывали с тюркским корнем *qara* 'черный' (Сетаров, 1983: 15; Гиниатуллин, 1977: 38; Базарова, 1975: 17), что обусловлено экстралингвистическим фактом — тем-

¹ Ожук Дажы. Тувинские трехстишия. Антология / сост., вступ. ст. и комм. Л. С. Мижит. Перевод с тув. Л. С. Мижит и Э. Б. Мижита. Кызыл, 2004. С. 154.

² Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II. С. 240.

³ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. С. 83.

⁴ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К–С) С. 240.

⁵ Там же.

⁶ Гарипова Ф. Г. Татар топонимнары сүзлегә [Словарь татарских топонимов]. Казан, 2010. Б. 319.

⁷ Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Кызыл: ТувКИ, 2007. С. 276.

⁸ Кара-оол Л. С. Топонимы Тувы с зоокомпонентом «птицы» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 648.

⁹ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, Л. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. С. 426.

ной окраской оперения птицы. Однако современные лингвистические исследования трактуют слово *карга* 'ворона' как ономотопоэтическое образование от имитации птичьего крика («кар-кар», «карр», «карк») с добавлением словообразовательного суффикса -а.

Подтверждением данной теории служит существование слов *каркылда*, *каркылдау* 'каркать'¹, *каарык*, *каарык дээр*² (ср. рус. *каркать*). Дополнительным аргументом в пользу звукоподражательного происхождения служат параллели из неродственных языков: англ. *crow*, удм. *кырныж*, коми *кырныш*, болг. *кроконъ*, эст. *коарен*, фин. *каарне*, укр. (диал) *кракуш*, польск. *kruk*, дат. *kraai*, швед. *kraa* 'ворон', 'ворона'.

Звукоподражание активно обыгрывается и в паремиях татарского языка, например: *Карга "кар-кар" дигәндә, тартар да "тар-тар" ди* 'Когда ворона — "кар-кар", коростель кричит "тар-тар"'; *Карга үз аты белән кычыра* 'Ворона кричит своим именем'; *"Кар" дисәң каргага барып тия, "тор" дисәң — торнага* 'Если скажешь "кар", попадешь на ворону, если скажешь "тор" — на журавля'.

Анализ лингвистических и топонимических данных показывает значимость образа вороны в тюркской культуре: в «Толковом словаре тувинского языка» помимо орнитонима *каарган* 'ворона' зафиксировано слово *каарганныг*, обозначающее местность, в которой обитают вороны (*каарганныг чыраа*)³, тогда как в татарской топонимии широко представлены названия с корнем *карга*, такие как *Карга куагы* (местность), *Карга куагы күле*, *Карга күле* (озеро), *Каргалы күле*, *Каргалы суы* (река), *Карга очы* (местность), *Карга тавы* (гора), *Карга урманы* (лес), *Карга чиймәсе* (родник)⁴ и другие, что свидетельствует о глубоком символическом значении вороны в традиционном мировоззрении тюркских народов.

В тувинских и татарских пословицах образ вороны (*карга* / *каарган*) раскрывается преимущественно в негативном ключе, но с разными смысловыми акцентами. Согласно исследованиям Ц. С. Б. Нурзет, выражения *каарган дег каржы* 'грубый, как ворона', *кааргатынып турар багай киж* 'плохой человек, который каркает', *каарган дээрге хорадачал киж* 'злой, как ворона' отражают устойчивую отрицательную коннотацию данного образа в языковом сознании тувинцев (Нурзет, 2024: 161).

Тувинская пословица *Каарган кас эдергеш, Даванын доңурган* 'Погналась ворона за гусем, и ноги обморозила' высмеивает жадность и глупость этих птиц. В татарских пословицах ворона не только глупа, но и опасна. Например, высказывание *Карга үзен кош санар* 'Ворона считает себя птицей' высмеивает высокомерие, а *Карга үстерсәң, күзүң чукуыр* 'Вырасти ворону и выклюет тебе глаза' используется как предостережение против неблагодарности. Особенно показательно, что в татарской культуре ворона ассоциируется с прямой угрозой — например, *Каргадан каравыл куйсаң, өстеңә яу китерер* 'Если ворону стражем поставишь, на тебя беду наведет'. При этом обе традиции сходятся в том, что сущность вороны неизменна: татарская пословица *Карга, ни хәтле канатын кыеп очса да, карчыга булмас* 'Как ни махай крыльями ворона, ястребом не станет' и тувинские образы подчеркивают, что ворона никогда не сравняется с благородными птицами. Объединяет оба народа и использование контраста между вороной и другими птицами (соколом, гусем, ястребом), что усиливает ее общетюркскую негативную семантизацию.

Таким образом, орнитонимы *карга* — *каарган* 'ворона', сохранив общетюркскую форму, обладают богатой семантикой. Их анализ в лингвистике, топонимике и фольклоре выявляет значимость и устойчиво негативное восприятие образа вороны в татарской и тувинской культурах, хотя и с разными смысловыми оттенками.

Бөркет — бүргүт, улуг эзир 'беркут, орел'

Данный орнитоним встречается в большинстве тюркских языков, претерпев определенные фонетические изменения. К примеру, аз., кумык. *беркут*, башк. *бөркөт*, каз. *бүркіт*, кирг. *бүркүт*, калп. *буркуит*, алт. *мүркүт*, туркм. *bürgüt*, чув. *пёркёт*, узб. *бургут* 'беркут', 'орел'. Ср.: в монгольском — *merkit* 'сокол', в бурят-монгольском — *бүргэд* 'орел', в калмыцком — *бүргд* 'беркут', в ойротском — *мөркүт*, *мүркүт* 'беркут', в удмуртском — *быркыт*, *брзи* 'орел', в таджикском *бургут* 'беркут'.

¹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 540.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 213; Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К-С). С. 11.

³ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К-С). С. 11.

⁴ Гарипова Ф. Г. Татар топонимнары сүзлегә [Словарь татарских топонимов]. Казан, 2010. Б. 274–275.

Татарская орнитонимическая система демонстрирует терминологическое разграничение между *каракош*¹ (род *Aquila* — орлы) и *беркет*² (вид *Aquila chrysaetos* — беркут), зафиксированное в словарных источниках. Однако в реальной языковой практике термин *беркет* функционирует как гипероним, охватывая как беркута, так и орлов в целом. Эта особенность находит подтверждение в авторитетных лексикографических работах. В частности, «Толковый словарь татарского языка», «Татарско-русский словарь» и др. приводят значение *беркет* как «беркут, орёл»³, что соответствует его действительному употреблению в качестве общего наименования.

В тувинском языке сохраняется более строгое разграничение. Так, в «Русско-тувинском словаре» зафиксированы лексемы *бүргүт*, *улуз эзир*⁴, в «Тувинско-русском словаре» *бүргүт* «беркут»⁵, *эзир* «орёл»⁶, в «Толковом словаре тувинского языка» — *бүргүт* «беркут»⁷.

«Русско-тувинский словарь» в значении беркут приводит и составной термин *улуз эзир* («большой / крупный орёл»)⁸, которому в татарских диалектах соответствует форма *олоқош* (букв. «большая / крупная птица»)⁹. В современном тувинском языке преимущественно используется краткая форма *эзир*, что находит подтверждение в фольклорных материалах.

Примечательно, что лексема *беркут* исторически использовалась в качестве антропонима. В тюркотатарской традиции мужское имя *Бөркет* / *Беркут* олицетворяло такие качества, как храбрость, сила и мужество. Это имя сохранилось в современных фамилиях: у башкир (*Буркутов*) (Сулейманова, 2019: 132), татар и удмуртов (*Бөркетов*, *Беркутов*), а также у русских (*Беркутов*, *Беркут*)¹⁰. Тувинский орнитоним *эзир* «орёл» также употребляется в качестве мужского имени *Эзир-оол* (Рабенко, Нурзет, 2023: 93). В «Толковом словаре тувинского языка» зафиксирована лексема *бүргүтпен* «беркутенок» (кличка собаки)¹¹.

В Татарстане используются топонимы с орнитонимом *беркет*, такие как *Бөркет буйы* (местность), *Бөркет кулы* (гора)¹². В тувинском языке с компонентом *эзир* «орёл» имеются: название перевала и реки *Эзир-Арт* (река берет начало с перевала, похожего на орла), горы *Эзирлиг-Каът* («солнечная сторона отрога горного хребта с орлами»), местности, хребта *Эзирлиг-Сын* (букв. «горный хребет с орлами»), кургана *Эзирлигниң Улуз Оваазы* или *Эсирлигийн оваа* (букв. «большой жертвенный курган орла»), куда слетаются орлы¹³.

В тувинской лингвокультуре орёл — «сильная, величественная, свободная, парящая высоко в небе птица, символически являющая собой воплощение всех мужских добродетелей, пользующаяся особым почитанием и избираемая в качестве государственного символа» (Рабенко, Нурзет, 2023: 96). В тувинских и татарских пословицах орёл (*беркет* / *эзир*) предстает как символ силы, благородства и превосходства. Оба народа видят в орле царя птиц, но выделяют разные его качества.

В тувинских языковых примерах орёл — это прежде всего добытчик: *Эки эзир тевер*, *Кускун, сааскан дойлаар* «Орёл добывает, вороны пируют», что показывает его статус среди других птиц. В поэти-

¹ Татар теленең аңлатмалы сүзлеге [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров, Ф. Ф. Гаффарова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. III: К. Б. 127; Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ТӘҺСИ, 2018. Б. 36.

² Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ТӘҺСИ, 2018. Б. 25.

³ Татар теленең аңлатмалы сүзлеге [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова, Ф. И. Таһирова. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Т. I: А–В. Б. 589; Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 258.

⁴ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. С. 43.

⁵ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 128.

⁶ Там же. С. 608.

⁷ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I (А–Й). С. 334.

⁸ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. С. 43.

⁹ Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ТӘҺСИ, 2018. Б. 25.

¹⁰ Саттаров Г. Ф. Татар антропонимикасы [Татарская антропонимика]. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. Б. 35.

¹¹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К–С). С. 334.

¹² Гарипова Ф. Г. Татар топонимнары сүзлеге [Словарь татарских топонимов]. Казан, 2010. Б. 128.

¹³ Кара-оол Л. С. Топонимы Тувы с зоокомпонентом «птицы» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 649.

ческих строках орел — страж (*Бедиктерден эзирлери хайгаараан* ‘Орлы с высот наблюдают, охраняя’¹), а также символ свободы (*Ыдык делгем кудайымга Эзир безин чеңгивестээн* ‘В священных просторах неба моего Даже орел парить перестал’)².

В татарских пословицах акцент делается на смелости орла (*Бөркет биектән курыкмас* ‘Орел высоты не боится’), его умении выбирать значимую добычу (*Бөркет бәрән ауласа — өлгесе, тычкан ауласа — көлкесе* ‘Если орел барана ловит — добыча, если мышь — смех’) и постоянном развитии (*Бөркетнең канаты очканда ныгый* ‘Крыло орла в полете крепнет’). Особое значение имеет место обитания — *Бөркетнең оясы биек ташта булыр* ‘Гнездо орла всегда на вершине’, что подчеркивает величественность этой птицы.

Примечательно, что тувинцы сохраняют особую монгольскую традицию — завораживающий «танец орла», исполняя который человек в движении становится подобен царственной птице. Как описывает Ч. Х. Санчай, «борцы, исполняющие танец орла, выходя в начале соревнований к краю поля перед судьями и зрителями и медленно ступая, раскинув широко руки, как крылья, подражают птичьему полету высоко в облаках» (Санчай, 2014: 114).

Исследования Т. Г. Рабенко и Ц. С. Б. Нурзет показывают, что борец, исполняющий «танец орла», не только присваивает себе качества этой царственной птицы, но и внешне буквально перевоплощается в него, о чем свидетельствуют лексические данные, например: *эзир куш дег девип самна* ‘как орел, танцуй’, *эзир дег девиир* ‘танцует, как орел’, *мөгелер шүгеш эзир дег девиир* ‘борцы, выиграв, танцуют как орлы’; *эзирлер дег мөгелер* ‘борцы, словно орлы’ и т. д. (Рабенко, Нурзет, 2023: 94).

Таким образом, в отличие от татарского языка, где наблюдается расширенное употребление термина *бөркет*, в современном тувинском сохраняется более строгое терминологическое разграничение: лексикографические источники (Русско-тувинский словарь, Тувинско-русский словарь, Толковый словарь тувинского языка) последовательно фиксируют *бүргүт* исключительно в значении ‘беркут’, тогда как *эзир* (в том числе *улул эзир*) используется для обозначения орла, что свидетельствует о сохранении в тувинском языке более дифференцированной системы орнитонимов для крупных хищных птиц. При этом оба термина, сохраняя четкую семантическую специализацию, остаются значимыми элементами традиционной картины мира, что подтверждается их активным использованием в антропонимике и культурных практиках.

Карчыга — хартыга ‘ястреб’

Это наименование обозначает хищную птицу семейства ястребиных и употребляется во многих тюркских языках: ног., каз., калп. *қаршыға*, чув. *хурчга*, *хурчка*, башк. *қарсыға*, *қарсаға*, алт. *карчага*, кирг. *карчыга*, узб. *қарчиғай*, карач. *қартджыға*, хак. *хартыға*, *хартха* ‘ястреб’. В финно-угорских и монгольских языках орнитоним имеет аналогичные фонетические варианты (ср.: удм. *харсага*, мокш. *кархциган*, морд.-мокш. *кархциган*, эрз. *карциган*, калм. *харцх*, монг. *харцага*(й), бур. *харсаға* ‘ястреб’).

Исследователь узбекских наименований птиц Д. Х. Базарова предполагает, что орнитоним образован при помощи звукоподражательного корня «кар» и словообразовательного суффикса³. Н. И. Егоров и Л. П. Петров возводят орнитоним к пратюркскому корню **qartıqa* ‘ястреб’, ‘коршун’, ‘сокол’ < «хищная птица» и считают, что в составе орнитонима выделяется глагольная основа **qartı-* ‘оцарапать’, ‘поранить’, перен. ‘утащить’ (Егоров, Петров, 1982: 71). Так или иначе, основа орнитонима связана с хищностью и характерными повадками этих птиц.

Если в татарском языке общетюркский орнитоним *карчыга* употребляется для обозначения ястреба, то в тувинском *хартыга* относится как к ястребу, так и к соколу. В «Тувинско-русском словаре» указано: *хартыга* — ‘сокол, ястреб’⁴. В татарском языке, помимо основного значения, эта лексема используется в переносном смысле: *бик кыю, үткен, житез кеше* ‘очень смелый, ловкий, проворный’⁵. В «Татарско-русском словаре» зафиксированы выражения: *карчыга борын* ‘крючковатый нос’, *карчы-*

¹ Ожук Дажы. Тувинские трехстишия. Антология / сост., вступ. ст. и комм. Л. С. Мижит. перевод с тув. Л. С. Мижит и Э. Б. Мижита. Кызыл, 2004. С. 157.

² Там же. С. 52.

³ Базарова Д. Х. История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент: Фан, 1978. С. 44.

⁴ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 470.

⁵ Татар теленең анлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров, Ф. Ф. Гаффарова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. III: К. Б. 149.

га булып ташлану ‘кинуться ястребом’, карчыга кебек ‘как ястреб’, карчыгадан калган тавык шикелле ‘обтрёпанный, оборванный’ — о человеке; букв. ‘как курица, оставшаяся после ястреба’¹. У татар также существует название карчыга үләне ‘ястребинка’, данное по поверью, что сок этого растения улучшает зоркость глаз ястребов.

В тувинской традиционной культуре образ ястреба (*хартыга*) занимает особое место, что находит отражение как в фольклорных текстах, так и в поэзии: *Өөрээнде кижги хөңнү — чаш кулун. Өзү-баары сөгүлгүже дешкилектээр. Өрү дээрде хартыга дег кииский-даа бээр* ‘В радости человеческая душа — жеребенок. Прыгает, резвится до упаду. И даже ястребом в небе парит’. Описание демонстрирует метафорическое уподобление радостной человеческой души свободному полету ястреба, подчеркивая ассоциацию этой птицы с состоянием безграничного счастья и духовного подъема, что перекликается с существованием древнего ритуального «танца ястреба» — *хартыга самы*, в котором через пластику тела исполнитель воплощал грациозность и силу этой птицы². А в обрядовой практике, как отмечают исследователи, поэтические тексты песен-кличей с многократным повторением слова *хартыгай* и завершающиеся заклинательным пением *күүвей*, создают образ ястреба как символа уверенности и способности преодолеть преграды. Повторяемое слово при этом звучит как обращение к ястребу: «Да, ты переплывешь реку подобно парящему в небе ястребу — так же уверенно, плавно» (Санчай, Кухта, 2019: 181). Указанные особенности использования единицы в совокупности раскрывают глубинный сакральный смысл образа ястреба в тувинском мировоззрении — он есть медиатор между земным и небесным, материальным и духовным.

В традиционной картине мира татарского народа также нашел отражение многогранный образ ястреба (*карчыга*) и занял значимое место в системе культурных символов. Ярким примером служит пословица *Карчыга авызыннан ит кире чыкмый* ‘Что ястребу в рот попало — обратно не выйдет’, отражающая устойчивые народные представления о природе этой хищной птицы. В другом изречении — *Карчыга күгәрчен белән дус түгел* ‘Ястреб с голубем не дружит’ — подчеркивается хищная природа птицы. Важный аспект свободы и условий для реализации потенциала выражен в пословице *Очарга ирек бирмәсәң, яхшы карчыга да берни тотмас* ‘Если не дашь летать, и хороший ястреб ничего не поймает’, которая метафорически указывает на необходимость предоставления возможностей для проявления врожденных способностей. Изречение *Бер чебеш алган карчыга икенчесенә янә кайтыр* ‘Взяв одного цыпленка, ястреб за вторым вернется’ раскрывает такие семантические признаки образа, как настойчивость и, одновременно, алчность, показывая двойственность восприятия этой птицы в народном речевом наследии. В отличие от тувинской традиции, где ястреб наделяется сакральными функциями, в татарских пословицах образ ястреба носит более приземленный, практический характер, ассоциирован скорее с образом сильного, но обычного мужчины, умудренного опытом. Однако в обеих культурах ястреб неизменно ассоциируется с силой, свободолобием и достоинством.

Таким образом, сравнительный анализ выявляет различие в употреблении общетюркского орнитонима: в татарском языке *карчыга* называет только ястреба, тогда как тувинское *хартыга* охватывает и ястреба, и сокола. Помимо прямого значения, данная лексема в татарском приобрела переносный смысл — *бик кыю, үткен, җитез кеше* ‘очень смелый, ловкий, проворный’, что обусловлено этимологической связью орнитонима с хищностью и характерными повадками этих птиц. При этом в обеих лингвокультурах — татарской и тувинской — ястреб сохраняет универсальную символику, воплощая идеи силы, проницательности, свободы и достоинства.

Лачын — хартыга ‘сокол’

Татарский язык использует для сокола общетюркское название *лачын*, в отличие от тувинского, где применяется единый термин *хартыга*, охватывающий и сокола, и ястреба. В тувинском имеется и слово *начын*, которое встречается во многих тюркских (башк. *ыласын*, хак. *ылачын*, карач.-балк. *илячин*, балк. *лячин*, узб. *лочин*, кирг. *ылаачын*, кумык. *лачин* ‘сокол’) и в некоторых монгольских языках (монг. *начин*, бур. *нашин*, маньч. *начин*, калм. *начн* ‘сокол’).

¹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. Б. 542.

² Санчай Ч. Х. Семантика традиционной танцевальной культуры тувинцев: дис. ... канд. культ. наук. Кызыл, 2020. С. 50.

Лексема *начын* в тувинском языке имеет два значения: 1) силач, борец // сильный; 2) начин (звание, присваиваемое победителям в национальной борьбе)¹. По данным словаря, выражение *начын бора хартыга* используется для обозначения кречета².

Некоторые значения, имеющиеся в «Этимологическом словаре тюркских языков», показывают «перенесение свойств ловчих птиц на другие живые существа, прежде всего — на человека. На том же явлении основано употребление слова в качестве мужского собственного имени или — как в ног. — в качестве ласкательного обращения к юноше»³. Действительно, кроме прямого обозначения птицы, данная лексема используется в метафорическом значении 'храбрый', 'сильный', 'зоркий', благодаря чему стала именем-пожеланием⁴. В работах Р. А. Сулеймановой зафиксирована фамилия *Лачинов*, образованная от *ыласын* 'сокол' (Сулейманова, 2019: 132), у Г. Ф. Саттарова — древнетюркские антропонимы *Лачын* (*Лачин*), *Лачынбарс*, *Алчын* (*Лачын*), символизировавшие храбрость, силу, смелость⁵.

У тувинцев *Начын* и сегодня является одним из самых распространенных мужских имен. В Республике Тыва среди высших спортивных званий по национальной борьбе хуреш имеется титул «*Начын мөгө*» (в знач. «борец сокол»), который присуждается борцам, неоднократно занимавшим призовые места в республиканских соревнованиях⁶. Примечательно, что очень часто это звание получают борцы по имени *Начын* (к примеру, *Начын Монгуш*, *Начын Кунгаа*)⁷.

В тувинской традиции образ сокола получает также и ритуальное воплощение: характеристика богатыря *эзирден ээлгир, хартыгадан кашпагай* 'танцует как орел, ловок как сокол'⁸ соединяет в себе грацию орла и ловкость сокола, демонстрируя идеал, к которому следует стремиться. Богатство птичьей пластики в тувинской культуре (ср.: «танец сокола», «танец орла» с их условным делением на символы земли и неба) показывает сложную систему миропонимания, где движения хищных птиц становятся языком общения с высшими силами. Татарские пословицы *Һәр кош очып лачын булмый* и *Очалмаган лачыннан файда юк* подчеркивают ценность истинных качеств сокола — не каждая птица может достичь его совершенства, а нелетающий сокол бесполезен, что отражает важность реализации природного потенциала птицы.

Как показывает сравнительно-сопоставительный анализ, татары сохранили общетюркский термин *лачын* для обозначения сокола, тогда как в тувинском языке название *хартыга* приобрело более широкую семантику, охватывая оба вида хищных птиц — сокола и ястреба.

Данное различие находит отражение и в фольклорных традициях: если в татарских пословицах образ сокола акцентирует практическую мудрость и необходимость проявления истинных качеств, то в тувинской культуре он приобретает эпическое звучание, воплощая духовный идеал.

Үрдәк — өдүрек 'утка'

Орнитоним *үрдәк / өдүрек 'утка'* сопоставим с лексемами из других языков: тур. *ördäk*, хак. *örтек*, шор. *örтек*, алт. *örtök*, кирг. *ördök*, туркм. *öördäk*, башк. *өйрәк*, узб. *o'rdak* и др.

По мнению Г. Рамстедта, слово образовано от утерянного глагола **ör-* 'нырять'⁹. Этимолог тувинского языка Б. И. Татаринцев приводит сходную позицию: «Дж. Клосон считал др.-тюрк. *ördek* произ-

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 308.

² Там же.

³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 1997. С. 170.

⁴ Там же.

⁵ Саттаров Г. Ф. Татар антропонимикасы [Татарская антропонимика]. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. Б. 35.

⁶ Хертек Р. М., Саая М. А. Современное состояние и перспектива развития национальной борьбы «хуреш» // Современные проблемы физической культуры, спорта и молодежи: Материалы IV региональной научной конференции молодых ученых, Чурапча, 28 февраля 2018 года / Под редакцией А. Ф. Сыроватской. Чурапча: ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта». 2018. С. 504–505.

⁷ Там же. С. 505.

⁸ Санчай Ч. Х. Семантика традиционной танцевальной культуры тувинцев: дис. ... канд. культ. наук. Кызыл, 2020. С. 66.

⁹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 548.

водным от *ö:r* (птица), 'которая поднимается' (с воды)»¹. Также исследователь отмечает, что «допустима связь с тюрк. глаг. основой *et- et-...* 'петь (о птицах); куковать, стрекотать, квакать, трещать' и др.; среди этих знач. вполне реально представить и 'крякать'. В памятниках фиксируется именное соответствие указанной основы *-öt* 'голос'»².

В «Толковом словаре тувинского языка» зафиксирован не только орнитоним *өдүрек* 'утка', но и его производные: *өдүрек-думчук* 'утконос', *өдүректиг* 'имеющий уток', *өдүректээр* 'охотиться на уток', *өдүрекчигеш* 'утенок'³. В татарском языке семантическое поле расширяется еще больше: разговорное *үрдәкч* 'утенок', многозначное *үрдәкборын* (как 'утконос', так и 'плоскогубцы'), а также собирательное *үрдәк-каз* 'утки и гуси' (в значении 'водоплавающие птицы')⁴.

Также орнитоним употребляется в составе тувинской фразеологизированной единицы *өдүрээр часса-даа, хөлүн часпас* 'Хоть с незначительными ошибками, сказать (сделать) правильно'⁵.

В переносном значении и в тувинском, и в татарском языках фиксируется использование данной единицы в значении 'ложный слух'. Ср.: *меге чугаа, хоп; меге чугаа тарадыр* 'пустить утку'⁶; *үрдәк очыру* 'пустить утку', *үрдәк хабар* 'утка'⁷.

В татарской фольклористике утка предстает как символ практической мудрости и гармонии с природой. Так, в пословице *Аптыраган үрдәк күлгә арты белән чумар* 'Растерявшаяся утка ныряет в озеро задом' отражено такое качество птицы, как способность находить нестандартные решения. Пословица *Балалы үрдәк күлдән китмәс* 'Утка, у которой есть утята, с озера не уйдет' подчеркивает важность семейных ценностей, а *Бөтен дөньяны су алса, үрдәккә ни гамь бар* 'Пусть вода зальет хоть весь мир, утке и дела нет' отражает философское спокойствие птицы. Врожденные качества отражены в фольклорных единицах: *Йөзә белмәгән үрдәк суга кермәс* 'Утка, не умеющая плавать, в воду не войдет' и *Үрдәк баласы күкәйдә үк суны белә* 'Утенок уже в яйце знает, что такое вода'. Однако пословица *Үрдәк, ничаклы ыспайланса да, аккош була алмый* 'Как бы ни охорашивалась утка, а лебедем не станет' отражает народное представление о лебеде как о более благородной и совершенной птице по сравнению с уткой.

Тувинская пословица *Эки аът орук часпас, өдүрек куш хөл часпас* 'Хороший конь не собьется с дороги, утка не пролетит мимо озера' через образ утки раскрывает глубокие пласты традиционного мировоззрения. В этом контексте утка выступает не просто как биологический вид, а как значимый культурный символ, воплощающий идею неразрывной связи с водной стихией. Образ утки, инстинктивно находящей озеро, отражает важнейший для кочевых народов принцип гармоничного существования в окружающей среде, где каждое существо следует своему природному предназначению.

Таким образом, лексема *үрдәк / өдүрек* 'утка' демонстрирует широкую семантику как в татарском, так и в тувинском языках. Интересно, что в обоих языках это слово приобрело переносное значение 'ложный слух', что отражает общетюркскую тенденцию к символической интерпретации птиц. Однако при более глубоком рассмотрении выявляются существенные различия в культурных коннотациях: если в татарской традиции утка олицетворяет заботливость и практичность, сочетающиеся с определенной беспечностью, то в тувинской культуре этот образ приобретает статус значимого культурного символа, воплощающего идею неразрывной связи с водной стихией.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о сохранении значительного пласта древнетюркских орнитонимов в татарском и тувинском языках. Большинство исследуемых названий птиц демонстрируют общетюркское происхождение, при этом такие термины как *карчыга*, *бөркет* и *лачын* обнаруживают параллели не только в тюркских, но и в монгольских языках (Сафина, 2006: 23, 24, 29–30).

¹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2008. Т. IV. С. 364.

² Там же.

³ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К–С). С. 489.

⁴ Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров. Казан: ТӘҺСИ, 2021. Т. VI: У–Я. Б. 133.

⁵ Там же.

⁶ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. С. 616.

⁷ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. С. 498.

Фонетические варианты орнитонимов *торна* / *дуруя* 'журавль', *бөркет* / *бүргүт* 'орел', *козгын* / *кусун* 'ворон', *үрдэк* / *өдүрек* 'утка', *карга* / *каарган* 'ворона' и др. сохранились в обоих языках с минимальными изменениями. Однако между языками выявляются и существенные различия в орнитонимической системе. Татарский язык сохраняет четкую дифференциацию, используя общетюркский орнитоним *лачын* исключительно для сокола, в отличие от тувинского *хартыга* с его расширенной семантикой (сокол и ястреб), а также традиционное *бөркет* для орла / беркута, тогда как тувинский чаще применяет специфический термин *зир*. Эти расхождения отражают разную степень семантической специализации в двух языках.

Активное использование рассмотренных орнитонимов в фольклоре, антропонимике и топонимике, их высокая словообразовательная продуктивность и богатый метафорический потенциал подтверждаются как паремиологическим материалом, так и семантической гибкостью единиц. Анализ пословиц и устойчивых выражений выявляет не только систему ценностных ориентаций, но и схожие принципы противопоставления образов в обоих языках, основанные на общности объектов сравнения и общих лингвокультурных смыслах. Выявленные же некоторые различия в символических оттенках значений названий птиц в разных языках фиксируют уникальность мировидения рассмотренных народов, отразившуюся в языковых картинах мира.

Будучи ценным лингвокультурным материалом, орнитонимы открывают перспективы для исследования глубинных слоев тюркской ментальности, выявления этнокультурных параллелей и специфики развития отдельных народов в рамках этнолингвистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базарова, Д. Х. (1975) К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц // Советская тюркология. № 4. С. 11–23.
- Базарова, Д. Х. (1978) История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент : Фан. 224 с.
- Гиниатуллин, М. М. (1977) Мотивация некоторых тюркских названий птиц // Советская тюркология. № 1. С. 38–44.
- Дамбаа, Ш. В., Сувандии, Н. Д. (2021) Охотничья лексика в языковой картине мира народов Саяно-Алтая (на материале тувинского, тофаларского, алтайского и хакасского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 172–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>
- Егоров, Н. И., Петров, Л. П. (1982) Этимология некоторых чувашских орнитонимов // Советская тюркология. № 6. С. 64–77.
- Ерленбаева, Н. В. (2019) Названия хищных птиц в алтайском языке и его диалектах // Материалы Первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность»: материалы Первого Международного алтаистического форума, Барнаул — Горно-Алтайск, 12–14 сентября 2019 года / отв. ред. Р. И. Райкин. Барнаул ; Горно-Алтайск : Алтайский государственный университет. 396 с. С. 58–60.
- Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>
- Куулар, Ш. Х. (2020) Зоонимы в тувинских литературных сказках // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы VI-ой международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, Кызыл, 30 июня — 03 июля 2020 года / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Тувинский государственный университет. 154 с. С. 21–22.
- Кыргыс, А. А., Чебодаева, Л. И. (2016) Названия хищных птиц в хакасском и тувинском языках // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: контаминация и конвергенция гуманитарной мысли: материалы XI Международной научно-практической конференции, Абакан, 23–24 ноября 2016 года / отв. ред. В. П. Антонов. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 290 с. С. 195–197.
- Кыргыс, А. А., Чебодаева, Л. И. (2017) Названия птиц из отряда курообразных в хакасском и тувинском языках // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 70–73.
- Насилов, В. М. (1960) Язык орхоно-енисейских памятников. М. : Изд-во «Восточная литература». 86 с.

Нурзет, Ц. С. Б. (2023) Обыденная семантика бионима «воробей» в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: Материалы симпозиума в рамках XVIII (L) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченной к 50-летию Кемеровского государственного университета, Кемерово, 27 апреля 2023 года / отв. ред. Е. В. Новгородова. Кемерово : Кемеровский государственный университет. 446 с. С. 418–422.

Нурзет, Ц. С. Б. (2024) Обыденная семантика бионимов ворона / каарган в русском и тувинском языках (по материалам лингвистического эксперимента) // Языки и литература в поликультурном пространстве. № 10. С. 157–162.

Петров, Л. П. (1982) К этимологии чувашских орнитонимов — I // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка: сб. ст. / ред. И. П. Павлов. Чебоксары : Чуваш. НИИЯЛИЭ. 136 с. С. 56–74.

Рабенко, Т. Г., Нурзет, Ц. С. Б. (2023) Обыденная семантика бионимов орел / эзир в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) // Научный диалог. Т. 12. № 3. С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99>

Санчай, Ч. Х., Кухта, М. С. (2019) Семантика структурных элементов тувинского танца // Новые исследования Тувы. № 1. С. 176–189. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>

Санчай, Ч. Х. (2014) «Танец орла» — духовно-художественное наследие тувинского народа // Новые исследования Тувы. № 1. С. 113–119.

Сафина, Э. И. (2006) Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование. Казань : Изд-во «Дом печати». 160 с.

Севортян, Э. В. (1980) Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М. : Наука. 394 с.

Сетаров, Д. С. (1983) Тюркские лексические элементы в русских названиях птиц // Советская тюркология. № 3. С. 11–21.

Сувандии, Н. Д. (2013) Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 1. С. 72–78.

Сулейманова, Р. А. (2019) Башкирские фамилии с тотемистической основой: лингвокультурологический и этимологический аспекты // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 128–134. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-3-128-134>

Эркенова, Ф. П. (2021) Орнитонимия в карачаево-балкарском языке (лексико-семантический аспект). Пятигорск : ООО «Просто». 616 с.

Дата поступления: 19.02.2025 г.

Дата принятия: 22.05.2025 г.

REFERENCES

Bazarova, D. Kh. (1975) On the etymology of some Old Turkic bird names. *Sovetskaya Tyurkologiya*, no. 4, pp. 11–23. (In Russ.)

Bazarova, D. Kh. (1978) *History of the Formation and Development of Zoological Terminology in the Uzbek Language*. Tashkent, Fan. 224 p. (In Russ.)

Giniatullin, M. M. (1977) Motivation of some Turkic bird names. *Sovetskaya Tyurkologiya*, no. 1, pp. 38–44. (In Russ.)

Dambaa, Sh. V. and Suvandii, N. D. (2021) Hunting vocabulary in the linguistic worldview of the peoples of the Sayano-Altai region (based on Tuvan, Tofalar, Altai and Khakas languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 172–185. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>

Egorov, N. I. and Petrov, L. P. (1982) Etymology of some Chuvash ornithonyms. *Sovetskaya Tyurkologiya*, no. 6, pp. 64–77. (In Russ.)

Yerlenbaeva, N. V. (2019) Names of birds of prey in the Altai language and its dialects. In: *Proceedings of the First Altaic Forum "Turko-Mongolian World of Greater Altai: Historical and Cultural Heritage and Modernity"*: Materials of the First International Altaic Forum, Barnaul — Gorno-Altaysk, September 12–14, 2019, ed. R. I. Raykin. Barnaul; Gorno-Altaysk: Altai State University. 396 p. Pp. 58–60. (In Russ.)

Ivanov, E. E. and Mongush, Sh. V. (2023) The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Kuular, Sh. Kh. (2020) Zoonyms in Tuvan literary tales. In: *Actual Problems of Researching Ethnoecological and Ethnocultural Traditions of the Peoples of Sayano-Altai: Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Postgraduates and Students*, Kyzyl, June 30 — July 3, 2020. Ed. by E. D. Mongush. Kyzyl, Tuvan State University. 154 p. Pp. 21–22. (In Russ.)

Kyrgys, A. A. and Chebodaeva, L. I. (2016) Names of birds of prey in Khakas and Tuvan languages. In: *Actual Problems of Studying Language, Literature and Journalism: Contamination and Convergence of Humanitarian Thought: Materials of the 11th International Scientific and Practical Conference*, Abakan, November 23–24, 2016. Ed. by V. P. Antonov. Abakan, Khakas State University named after N.F. Katanov. 290 p. Pp. 195–197. (In Russ.)

Kyrgys, A. A. and Chebodaeva, L. I. (2017) Names of galliform birds in Khakas and Tuvan languages. *Vestnik Khakas-skogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 70–73. (In Russ.)

Nasilov, V. M. (1960) *Language of the Orkhon-Yenisei Monuments*. Moscow, Vostochnaya Literatura. 86 p. (In Russ.)

Nurzet, Ts. S. B. (2023) Everyday semantics of the bionym “sparrow” in Russian and Tuvan languages (based on linguistic experiment results). In: *Philology, Foreign Languages and Media Communications: Materials of the Symposium within the Framework of the 18th (L) International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists Dedicated to the 50th Anniversary of Kemerovo State University*, Kemerovo, April 27, 2023. Ed. by E. V. Novgorodova. Kemerovo, Kemerovo State University. 446 p. Pp. 418–422. (In Russ.)

Nurzet, Ts. S. B. (2024) Everyday semantics of the bionym raven/kaargan in Russian and Tuvan languages (based on linguistic experiment materials). *Languages and Literature in a Multicultural Space*, no. 10, pp. 157–162. (In Russ.)

Petrov, L. P. (1982) On the etymology of Chuvash ornithonyms — I. In: *Studies in the Lexicology and Phraseology of the Chuvash Language: Collection of Articles*. Ed. I. P. Pavlov. Cheboksary, Chuvash NIYALIÉ. 136 p. Pp. 56–74. (In Russ.)

Rabenko, T. G. and Nurzet, Ts. S. B. (2023) Everyday semantics of the bionym eagle/ezir in Russian and Tuvan languages (based on linguistic experiment results). *Nauchny Dialog*, vol. 12, no. 3, pp. 82–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99>

Sanchai, Ch. Kh. and Kukhta, M. S. (2019) Semantics of structural elements of Tuvan dance. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 176–189. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>

Sanchai, Ch. Kh. (2014) “Eagle dance” — spiritual and artistic heritage of the Tuvan people. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 113–119. (In Russ.)

Safina, E. I. (2006) *Names of Birds in the Tatar Language and Their Lexicography*. Kazan, Dom Pechati Publishing. 160 p. (In Russ.)

Sevortyan, E. V. (1980) *Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Roots Starting with the Letters “V”, “G”, “D”*. Moscow, Nauka. 394 p. (In Russ.)

Setarov, D. S. (1983) Turkic lexical elements in Russian names of birds. *Sovetskaya Tyurkologiya*, no. 3, pp. 11–21. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2013) Hunting vocabulary in the Todzhin dialect of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 72–78. (In Russ.)

Suleymanova, R. A. (2019) Bashkir surnames with a totemistic basis: linguocultural and etymological aspects. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, no. 3, pp. 128–134. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-3-128-134>

Erkenova, F. P. (2021) *Ornithonymy in the Karachay-Balkar Language (Lexico-Semantic Aspect)*. Pyatigorsk, OOO “Prosto”. 616 p. (In Russ.)

Submission date: 19.02.2025.

Acceptance date: 22.05.2025.